

Глава 26. Ночь тайного нападения (часть 1)

В ночном воздухе, пропитанном дыханием смерти, я обвел взглядом окруживших нас демонов. Взор невольно остановился на Цинь Хуане — безмолвном, словно затерянная в тумане долина. В его глазах не было ни тепла, ни узнавания. Волосы его трепетали на ветру, будто опутывая некое невидимое, невыносимо тяжелое бремя.

Цинь Хуань медленно отступил, растворяясь в толпе нечисти.

Признаю, я не наделен великими талантами и не слишком умен, но всё же способен понять, когда становлюсь мишенью.

Рефлекторно сжав кулаки, я выхватил меч из-за спины Мо Чэ и направил его вперед. Кровавый отблеск мгновенно поглотил ночную тьму. Хэнчэнь — ни тяжелый, ни легкий — отозвался в руке колкой изморозью; в его сиянии очертания мира поплыли, а по щекам, вопреки воле, прокатилась холодная влага.

Лунный свет заливал землю, травы колыхались под порывами ветра.

Странно, но порой, в самые отчаянные мгновения, человеку дано видеть суть вещей с пугающей ясностью.

Впереди, с насмешливой ухмылкой, замер мужчина в алых одеждах — тот самый демон, которого я видел в поместье господина Вана. А прямо за его спиной, почтительно склонив голову, стоял Цинь Хуань.

— Хозяин, всё исполнено, — негромко произнес он.

Хун Сян едва заметно кивнул, даже не взглянув на него. Он лениво обернулся в мою сторону и, церемонно поклонившись, пропел:

— Давно не виделись. Хун Сян приветствует вас.

Его голос так и сочился томным пренебрежением. Демон принялся рассматривать свои ярко-красные ногти, после чего вскинул брови. Он смотрел с неприкрытым презрением, смешанным с издевкой.

Ощувив этот укол, я почувствовал, как сердце словно терниями обвило. Ногти до боли впились в ладони. Взгляд мой упал на приоткрытую дверь главного зала, где остались лежать люди, лишившиеся чувств.

— Что ты с ними сделал?! — вырвалось у меня.

Хун Сян опустил взгляд и приторно улыбнулся:

— О, сострадательный бессмертный, неужели это подобающий тон для разговора?

На фоне его изысканной вежливости я казался себе грубым и неотесанным. Осознав это, я стиснул зубы и, подавляя клокочущую в груди ярость, повторил уже тише:

— Что с ними? Отвечай.

— Ты спрашиваешь, а я разве обязан отвечать?

Мужчина в алом сощурился, не сводя с меня глаз. Поняв, что надо мной просто издеваются, я в сердцах топнул ногой, чем вызвал лишь новую волну издевательского смеха нечисти.

— Вот потому-то я и ненавижу бессмертных, — внезапно оборвал он смех.

Его лицо мгновенно стало ледяным, за спиной серебрилась холодная луна.

— Сборище самовлюбленных глупцов, способных лишь на пустые бахвальства. Верно я говорю, Цинь Хуань?

Хун Сян криво усмехнулся, поведя пальцем, но его прислужник не проронил ни слова. Цинь Хуань лишь повернулся и в упор посмотрел на меня.

Ветер стих, тучи сгустились. Его взгляд, некогда теплый, теперь был полон глубокой, затаенной печали, которая, впрочем, быстро сменилась холодным безразличием.

Где-то... где-то я уже видел этот взгляд.

Много столетий назад, одной суровой зимой, я встретил девушку, решившую покончить с собой. Когда ее вытащили из воды, она была уже мертва. Ее прекрасное лицо побелело от холода, губы почернели, но на них застыла печать странного, необъяснимого умиротворения.

Она умерла ради любви.

Говорили, что уйти на дно вместе с увядающей водой — это самый прекрасный и скорбный финал для тех, чьи чувства зашли в тупик. словно цветок, что падает с ветки. Только после этого падения весна больше не придет, и цветам уже не распуститься. Той зимой хлопья летящего снега стали свидетелями чужого одиночества.

Я не понимал этих чувств. Лишь однажды, встретив Фэнхуа, я спросил его: что же такое

любовь, если ради нее люди так легко расстаются с жизнью?

Фэнхуа долго молчал, глядя в небо. Снег ложился ему на голову, мир вокруг замер, и слышны были лишь мои неровные шаги. Я знал, что он не ответит, и уже собрался уходить, когда сквозь шорох снегопада до меня донесся тихий, едва различимый шепот. Но снег был слишком густым, и я не сумел разобрать слов.

Порой мне всё же становилось любопытно, что движет сердцами смертных. Особенно когда в памяти всплывал образ той девушки. В ее глазах переплетались любовь и ненависть, боль и радость. Этот взгляд был туманным и ясным одновременно, как дым, уходящий в небеса — далекий и неуловимый.

Таким же сейчас был Цинь Хуань.

Люди ничтожны, их сердца легко поддаются гнили, а истинная сущность со временем превращается в уродливую, жалкую маску. И всё же, человеческая жизнь рождается из самой сути небес и земли, заключая в себе и чистоту, и муть, и благородство, и падение.

Человек — это венец творения и его же величайшее проклятие. Один шаг вперед — и ты бог, один шаг назад — и ты демон. Говорят, судьба любит играть людьми, но порой эти игры приносят столько боли, что сердце леденеет. Никто не властен над своим роком, порой мы бессильны изменить хоть что-то.

Теперь я это понимал. Я и представить не мог, что Цинь Хуань так возненавидит меня. Не знал, что он падет на путь демонов и поднимет на меня оружие, требуя отдать меч Мо Чэ.

Я вскинул голову. Окружившие нас тени заставляли меня обливаться холодным потом. Хэнчэнь в моей руке сиял кровавым блеском, но я слишком хорошо знал: став смертным, я лишился всякой силы. Ладно я, но мужчина у меня за спиной... Этот меч был важен для него.

Пока я колебался, несколько мелких демонов, потеряв терпение, бросились в атаку. Никто не преградил им путь, кроме меня.

Случилось нечто невообразимое: из клинка вырвалась яростная, могучая волна демонической энергии. Не успев опомниться, я крепче сжал рукоять. Тело само пришло в движение. Легко и плавно я взмахнул мечом, и его аура — стремительная, как всполох кровавой молнии — рассекла воздух. Казалось, оружие само жаждало крови.

В этом мече таилась сила, которой было почти невозможно управлять. Скорее, это клинок вел меня за собой. Неведомая воля влекла мое тело вперед. Несмотря на тяжесть каждого шага, я сумел испепелить нескольких демонов в яркой вспышке кровавого пламени.

Их предсмертные крики мгновенно стихли, поглощенные яростным огнем. Но времени на

раздумья не было: остальные твари тут же окружили меня плотным кольцом.

Пусть мощь Хэнчэня и была велика, я не мог превратить его в сокрушительное оружие, способное разом оборвать эту битву. Мне с трудом удавалось лишь сдерживать натиск, а магия демонов была отнюдь не слабой.

Я отчаянно сопротивлялся, но, перестав быть бессмертным, не мог долго противостоять их числу. Цинь Хуань, не колеблясь, шагнул вперед, пытаясь отобрать меч. Я попятился, споткнулся о камень и рухнул, ободрав локти. К ранам прилип песок, отозвавшись ноющей болью. Стиснув зубы, я попытался подняться. Одежда взмокла от пота, руки дрожали, а в душе поселился ледяной страх.

В голове было пусто. Мне было страшно.

Удивительно, но в такие моменты человек может забыть о самом ужасе, отчетливо сознавая, что боится. Я боялся не смерти и не уродливых лиц демонов. Я боялся собственного бессилия. Боялся того, как смотрел на меня Цинь Хуань.

Он наступал шаг за шагом. Запекшаяся кровь на его одежде казалась почти черной, но в свете меча она горела алым пламенем.

Вокруг внезапно стало оглушительно тихо. Цинь Хуань замер, его взгляд был холодным, как иней. Он без тени сомнения приставил клинок к моему горлу. Я почувствовал резкий, металлический запах крови, исходивший от стали. Мы смотрели друг другу в глаза, но теперь между нами пролегла пропасть, которую невозможно пересечь.

Никогда больше.

Я помнил, как мы вместе смеялись и делили горе. Всё это было так отчетливо... Почему же дружба рассыпалась в прах так легко? Почему между нами выросла глухая стена, а искренность сменилась разочарованием? Прошлое умерло где-то в пути. Только когда шаги становятся тяжелыми, понимаешь: не всем суждено пройти с тобой до конца.

Кто-то остается в мгновении — прекрасном, но ставшем лишь тенью в памяти. И когда спустя годы оборачиваешься, видишь на песке лишь свои одинокие следы.

Мы забыли слишком многое. И научились не оглядываться. Но порой, когда наваливается одиночество, я всё еще тоскую по руке, что мягко хлопала меня по спине, когда я пытался сдержать слезы. Теперь этой руки нет. И больше не будет.

В горле встал ком. Я не мог вымолвить ни слова.

Фигура Цинь Хуаня расплылась перед глазами, слезы застлали взор, оставив лишь яркую

полоску алого света и чью-то спину — широкую, надежную, непреклонно закрывающую меня собой.

— Чэ... — едва слышно прошептал я его имя.

<http://bllate.org/book/17534/1706010>